

Иван Сученко и Белый Полянин — эпизод 2 из 4

На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Поваренко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половиною натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают: "Никого у тебя не было?" - "Нет, никого! А вы разве видели?" - "Нет, и мы не видали!"

На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Белый Полянин дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половиною натер да под пол бросил... Приехали братья с охоты: "Ты никого не видал?" - "Нет, никого; а вы?" - "И мы тож!"

На четвертый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Сученко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу - ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за' голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам - в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

"Что, братцы, вам ничего не случилось? - спрашивает Царенко. - А у меня так рубаха совсем к телу присохла!" - "Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал". Приехали домой: "А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?" - "Был один нахаба, так я ему по-своему задал!" - "Что ж ты ему сделал?" - "Пень расколол да бороду всадил". - "Пойдем посмотрим!" Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унес с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотою крышею.

Братья пошли по его следам, шли-шли - стоит гора: в той горе ляда; взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит

Сученко: "Через три дня как встряхну канат - сейчас меня вытягайте!" Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что' покрали на тот свет три змия: "Пойду их шукать!"⁶

Шел-шел - стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка. "Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?" - "А ты что за спрос? Дай-ка мне наперед воды - глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай". Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне. "Здравствуй, прекрасная царевна!" - "Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашел?" - "За тобою; хочу с твоим мужем воевать". - "Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!" - "Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!" Царевна его за двери спрятала - аж летит змий. "Фу, русска кость воня!" - "Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!"⁷ - говорит царевна, подает ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. "Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?" - "Как мне не вздыхать! Четвертый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришел, что б ты ему сделал?" - "Что сделал? Пил да гулял бы с ним". На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко. "А Сученко! Здравствуй; зачем пришел: биться или мириться?" - "Давай биться! Дми точок!"⁹ Змий дунул - у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Сученко дунул - у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошел дальше.